

Первый «А»

Из-за леса, по длинному лицу разбитой дороги, в Малые Броди заехал автобус. Он желтым пятном мелькнул за домами, остановился на бывшей площади, смяв пузом жухлую траву. Подошедшие люди тянули головы, разглядывали пассажиров в окнах над красной надписью «Дети».

Автобус чихнул. Маленькие пассажиры разом подняли подбородки, до этого лежавшие безвольно, открыли глаза.

— А они способные? — спросила Леночка, глава администрации, у Михаила.

— Со способностями. Так точнее.

Гармошка двери собралась вбок, детям освободили дорогу в ДК. Они потянулись ко входу. Уже в школьной форме: белых рубашках, брючках и юбочках, неловкие, как живые. В клубе выстроились вдоль сцены — на выбор.

Когда Михаил в начале августа приехал в Малые Броды продавать родительский дом, он встретил Леночку, бывшую одноклассницу с извечным куцым русым хвостиком, попал к ней на чай. Она

рассказала, что поселок чахнет и еще десятка рабочих мест скоро не станет:

— Сельские школы после нового закона попали под укрупнение: если учащихся осталось не больше двадцати, школу предписано «оптимизировать». Многие оказались под этим дамочловым мечом, и школа в Бродях тоже. У нас в прошлом году доучивалось девять человек, а из них четверо теперь выпустились и уехали... Два первоклассника на будущий год — разве это класс? Закроют, закроют! Соединят нашу школу с Крепужихинской, и всё, все учителя — вон!

Леночка глотала горячий чай, как водку. Чай Михаила медленно остывал.

— Представь, Миш, что ребятишки по автобусам будут скитаться, в сугробах буксовать, а? Соседняя школа далеко! Можно свезти наших домашних детей туда, в интернат, чтобы жили поближе к школе, но тогда мы совсем... Нет детей — нет жизни!

Из-за горячего чая и слова вылетали из Леночки горячими:

— Сволочи там сидят! А нам нужны дети. Но где ж их взять? Посobie на усыновление пока выбеешь...

Тогда Михаил предложил поселковым учителям решение: пообещал выделить детоботов от своей фирмы, как раз штук двадцать. Бесплатно, но с разрешением на съемку, на тесты, на сопровождающую научную работу.

— А можно нам первоклассников? — заумоляло село. — Тогда на ближайшие одиннадцать лет мы спасены, пока доучатся!

И вот теперь детоботы, похожие на семилеток, стояли на сцене ДК нарядные, смотрели на сельчан во все жидкокристаллические глаза.

Люди не стали сильно выбирать, воротить нос, брали осторожно за маленькие ручки, отводили в сторону, заговаривали.

Только Федотов толкнул жену и бросился вперед, увидев у темноволосого мальчишки крупные золотые зубы: «Смотри! Наш будет!» — он не за руку схватил, а поднял его сразу на плечо, понес к столу регистрации. Родство, что ли, почувствовалось Федотову: у него самого блестили справа вверху две коронки. Федотовы записали мальчишку Женькой и сразу убежали домой.

Воронцовы забрали рыженького, похожего на Антошку из советского мультика, улыбчивого и ушастого. Спросили его: «Кузей будешь?» Так и записали.

Светленькую девочку — челочка набок, косичка вниз — повела за руку Теплова. Девочка сама ей сказала: «Хочу быть Валерией!» — а Теплова лишь восторженно заулыбалась.

Мальчишку, эдакого пухлого младенца, только с длинными ногами, отдали Целиковским, те были согласны на любого. Имя дала жена Целиковская — «Степан, Степа». Искусственность Степы

выдавал только правый круглый глаз, мутно моргающий зеленым светом.

— Это копии чьих-то детей? — уточнила Леночка шепотом.

Михаил успокоил:

— Нет, сгенерированы с нуля.

За последним оставшимся ребенком подошел Поляков Дмитрий Васильевич, бывший пастух, а нынче нищий пенсионер, попросил детобота для помощи по хозяйству, вдвоем с женой-инвалидом они уже еле справлялись. Мальчик им как раз был кстати, пусть хиленький, сонный и с торчащими кроличьими зубами.

— Лева, пойдешь к деду жить? — спросил Дмитрий Васильевич. И мальчишка кивнул, согласившись с именем и приглашением.

Михаил с Леночкой уходили последние, Леночка закрывала зал ДК, приговаривала тихо: «Детоботы всё не детдомовские. Те хулиганят, воруют... А теперь у деревни откроется второе дыхание».

— И работа будет, культура: в кружках, клубе, библиотеке... — подхватил Михаил.

— И эта ваша научная деятельность!

Августовский вечер перетекал в теплую ночь. Где-то в дальнем лесу завела кукушка. С конца улицы доносились крики беспокойных гусей.

Леночка предложила Михаилу пожить пару дней у нее, забеспокоилась, что дом его родителей «сырой, холодный, сложится, не дай бог, ночью». Она забежала в избу магазина, оставив

Михаила на крыльце вместе с Санычем, бывшим его соседом. Саныч курил, они разговорились.

Двадцать лет тебя, мол, не было. Да как один день, поверишь. А мы тут вот так вот. А вроде раньше табун лошадей имелся? Куда! Сейчас и картошку многие не сажают. Деревня потихоньку умирает, затихает... Зарастает лесом и травой. Змеи одни ползают. Да, Саныч, хреново так-то.

Окурок полетел от крыльца и погас в полете.

— Зачем ты сюда детей-то? — спросил Саныч тихо.

Михаил немо уставился на него: на лицо, стянутое к носу, как безразмерный черепной чехол, на отросшую мякоть ушей, на обвисший рот с затхлым запахом. Если Михаил, почти ровесник Саныча, за эти двадцать лет зрело возмужал, то Саныч — именно что постарел.

— Здоровья, — проводил его Михаил.

— Куда! Седня живы, а завтра скovyрнулись...

Саныч шагнул в темноту, и силуэт его ментально пропал, даже шаги не слышались.

Леночка вышла из магазина с несколькими кулечками, сказала, что взяла сосисок, свежих мягких конфет. Они пошли по главной улице.

— Такой ты стал красивый, Мишка, — вдруг начала Леночка. — И седина эта на висках... Хорошо...

Михаил не поддержал разговор взаимными комплиментами, не поддержал флирт, и больше на эту дорожку Леночка не ступала.

В ночной черноте все виделось еще мрачнее: многих домов и след простыл, бывшие огороды заросли бурьяном. Когда-то к длинным зданиям из красного кирпича каждое утро почти из каждого дома тянулись сонные доярки, скотники, пастухи, лениво приезжал толстопузый начальник на казенном УАЗике. Там держали совхозных коров, это все приносило деньги, у людей были местное молоко, сметана... Теперь коровники стояли черным бельмом; в них, рассказывала Леночка, остались только ломаный кирпич да пыль в кормушках.

— А все-таки воздух здесь не такой, как в городе, — продолжала она. — И жить не так страшно, как в городе. Там того глядишь и убьют к лешему! А здесь — тихо море!

Из окна дома Тепловой лилось желтое легкое зарево. Проходя мимо, Михаил увидел за столом в комнате Валерию: ее голова от макушки до шеи источала мягкий свет, пушистые волосики топорщились, как лучи. Сжимая прозрачную кружку с чаем, девочка повернулась лицом и посмотрела на Михаила. Оглушительно пели сверчки под раскрытыми ставнями.

У крыльца соседнего с тепловским дома лежали неколотые дрова.

— Газа нет, а уголь покупать дорого, — объяснила Леночка.

Разбитые стекла фельдшерско-акушерского пункта. Скрипящая косая калитка углового дома. Доски школьного забора, словно причесанные

в одну сторону. Медовый аромат душицы. Лужи желто-бурых одуванчиков вдоль дороги.

— Сейчас около сорока дворов... — уже сонно продолжала Леночка. — Есть почта, Дом культуры, школа вот. Вообще, в сельской местности живут совершенно разные люди. И трудо-голики, и лентяи, и те, кто тоскует по какому-то призрачному лучшему будущему, сопротивляясь этой сельской жизни... И те, кто хочет быть городским, а вынужден быть сельским...

— Да, да, — вяло поддерживал разговор Михаил, — да уж...

Засыпая позже на пыльном диване, он отгонял комаров, гнал из мыслей свет девичьей головы в окне, вспоминал концерт одного немецкого музыканта, который совал для эффективности лампочку в рот.

Утром, после ядрено-рыжего омлета из домашних яиц, Михаил решил проведать сельский пруд, на котором в детстве безвылазно проводил все жаркие дни.

И сейчас пекло с самого утра. Михаил дошел до пруда, оглядел зеленоватую воду, кольцо густого леса. Пробежался ветер, кроны ив у берега закрутились от него, словно шары на палках-стволах. Мостки почти сгнили: доски зацвели, закрипели, крайняя покосилась и наполовину утонула.

Чешуя ряски закачалась, над водой показалась детская голова. По широкому лбу вились черным перевернутым пламенем мокрые

волосы. Покрасневшие глаза уставились на Михаила. Михаил повел плечами от страха.

— Женька, ты? — заговорил он с детоботом.

Женька подплыл ближе, держа кромку воды между губ.

— Глубоко тут, — детские ручки схватились за мостки. — А водятся одни караси.

Михаил присел на корточки перед мальчиком:

— Ты, помнится, можешь дышать под водой?

Женька кивнул, забрался на теплые доски, растянул губы, сверкая золотыми зубами, потом сообщил весело:

— Там череп внизу лежит!

Михаил посмотрел испуганно на Женьку, на воду, сказал:

— Пусть лежит. Не трогай. И не говори никому.

К обеду по поселку поползли слухи, что еще один детобот проявил способности.

Рыженький «Антошка» Воронцовых нашел их потерявшуюся корову.

Не пришла домой с вечера, а утром Кузя пошел ее искать и нашел по горло в иле на пруду, позвал мужиков. Те ее за рога вытащили, ослабшую, наверняка получившую накануне солнечный удар. Выползла на берег и лежит без сил. Кузя нарвал ивовых веток, и та потянулась за ними, пошла за Кузей. Откуда только узнал, что корова любит? Сначала в шутку сказали,

что он понимает язык животных. А вскоре подтвердилось: Воронцовы никак не могли понять, чего куры несутся через раз. Кузя «поговорил» с курами, и те рассказали ему про соседского Тишку, который, размахивая деревянной палкой, иногда вбегает в курятник и начинает гонять его обитателей с громким криком «ура!». От неожиданности и страха куры тут же несут яйца, Тишка кладет их в кепку и уносит домой. С Тишкиными родителями пообщались, яйца перестали пропадать.

Михаил прошел до родительского дома, сфотографировал косые темные бревна, слепые мутные окна, выложил куда нужно, понял — уже не дом продает, только землю. Его отец сам строил семейное жилье, Михаил когда-то своими руками ставил сарай, курятник... А в нужное время не нашлось рук все это содержать в порядке.

Крыша висела косо, дом грозил вот-вот обвалиться.

Накануне Дня знаний приехала съемочная группа: ведущая с оператором. Одинокая Леночка была рада новым гостям и съемочную группу заселила к себе. Утром заботливо всех собрала в школу: нагрела воды для умывания, наготовила, собрала садовых цветов: «Первое сентября все-таки!»

Сельские привели детоботов на линейку к деревянному, выкрашенному голубым зданию школы. На крыльцо вынесли старые колонки.

Над дверями растянули красную ткань с рукописными белыми буквами: «Школьные годы чудесные!»

Пятеро разноклассников и двое сельских мальчишек, пришедших в первый класс, стояли в стороне, словно не при делах.

Детоботы выстроились ровно по центру прямой бело-черной линией, плечо к плечу. Оператор, глядя в объектив, вел по их лицам крупный план. Женька слепил золотой улыбкой, Лева оттягивал давящий галстук-бабочку, Кузя сонно тер глаза, Степа ответно смотрел в камеру немигающим круглым глазом. Взгляд Леры счастливо светился, и она пыталась улыбаться, но губы ее гнулись вниз, расходясь в натужную гримасу, словно, настраивая мимические мышцы, ей случайно что-то перевернули.

И была музыка. Было немного голубых и белых шаров, но совсем куце, лучше б вовсе не надували. Потом дети по очереди читали стихи, чуть приседая в такт словам, смешно качали головами, закидывая слова в микрофон.

Потом микрофон взял Лева Поляков, и его голосом запел «Учат в школе» Эдуард Хиль, словно не умер в две тысячи двенадцатом, — звонко и бархатисто. Затем Лева спел точь-в-точь как Георгий Виноградов «Школьный вальс». А потом вовсе затянул крепким голосом Пугачевой про то, что нынче в школе первый класс вроде института... Сельские аплодировали в пятьдесят пар рук: «Ну талант! Талант!»

В классе детоботы сидели как настоящие дети: качали и дергали ногами под партами; растопырив пальцы, чесали голову, локти, что-то доставали из носа, рассматривали, с приоткрытым ртом следили за учителем, пытаясь понять, что делать дальше.

Живые мальчики выглядели за последней партой как раз как выключенные роботы. Они сели вдвоем, а теперь неподвижно и опасливо косились на других.

— А вот наш единственный первый класс, первый «А»! — Раскрытая ладонь Леночки гордо пролетела над головами. Объектив камеры проследовал за ней.

В кадре проскочило несколько лиц, затем камера качнулась и приблизила девочку за пятой партой первого ряда: красный шар ее головы, увенчанный белым ажурным бантом, болтался на шее, глаза катались под веками, из ротика сочилась пенная слюна...

Сюжет оборвался словами «Катенька! Катенька!!!». Камеру вырубили. Детобота Катеньку скорее вынесли из класса.

Вечером Михаил снова собрал всех новоявленных родителей в ДК, еще раз объяснил им все правила эксплуатации.

— Говорил же, никаких украшений! У них, просто говоря, аллергия. Эти сережки к ней прямо прикипели...

Женщина, взявшая Катеньку тогда в ДК, не спешила признавать вину:

— А чего? Сережки от прабабки еще остались! Чистое золото! Чего?

Если до этого Михаил, когда Катеньку отключили и увезли, обещал женщине замену, то сейчас подумывал сказать, что свободных экземпляров больше не осталось.

— А если не детобот, скажем, — спросили с заднего ряда, — а родитель выйдет из строя? Ну, помрет то есть?

— Может, кто местный заберет. Или отключим экземпляр и вывезем.

Михаил окинул взглядом людей и сменил тему:

— Рассказывайте: какие еще странности обнаружили?

«А у нас», «у нас», «а у меня», — начали хвастать сельские друг перед другом.

Женька мог плавать без задержки дыхания и голыми руками доставать рыбу. Валерия могла делать уроки без настольной лампы, потому как ее голова выдавала не меньше трехсот ватт мощности. Лева заменил собой давно сломанное радио. Кузя болтал с животными и птицами: уже спас корову из пруда и куриные яйца от воришки. И много чего еще сказали.

Целиковская просидела все собрание в молчаливом удовлетворении, подошла к Михаилу после всего:

— А Степа наш — без всяких там. И хорошо, хорошо! Самый обычный ребенок.

Пухлый светленький Степа, с правым мутно-зеленым светящимся глазом, не прикрытым

силиконовыми веками, ждал мать на улице и, стоило Михаилу выйти вслед за ней, подбежал:

— А можно, дядя Миша, я буду вам письма писать? — спросил он и ткнул в нагрудный жетон на своей футболке: — На кор-по-ра-тив-ну-ю почту.

Михаил поглядел на мигающий огонек его глаза, погладил детобота против синтетических волос.

— Пиши, если хочешь.

Уходя, Михаил обернулся на Степу, тот быстро-быстро замахал ему ладошкой.

Леночка проводила Михаила до машины, все трещала что-то про то, что дети должны теперь будут массово начать участвовать в разнообразных проектах, развивающих их новую малую родину.

Михаил попрощался с Леночкой сжатым в воздухе кулаком — жестом всяческой поддержки и одобрения, сел в машину и медленно поехал по улицам села.

Детоботы, завидев черную глыбу его машины, бросали все и выбегали к дороге, махали Михаилу вслед тем же быстрым движением ладони, как прежде Степа, словно этот жест им был заложен одинаковым, одним на всех.

Михаил прибавил газу, включил радиоволну с веселой музыкой, но и она не заглушила тянущее чувство тоски в глубине его не то живота, не то груди.

Нет, все-таки верилось: Малые Броди освежатся, теперь село обязательно заживет другой жизнью. За качество детоботов Михаил ручался, они были как настоящие, их невозможно было не полюбить как родных детей, а где любовь, там... Машина наехала на яму, вильнула, Михаил еле удержал руль. Он цыкнул, еще прибавил музыку и со спокойной совестью забыл про Броди на несколько месяцев.

Здравствуйте, дядя Миша. Спасибо, что привезли меня в деревню. И спасибо, что подарили эту жизнь. Я пью молоко. В школе мне очень нравится. После школы я люблю копаться в земле. Однажды я откопал дюжину белых червей и собрал их в банку. Затем оставил их на ночь во дворе. Когда на следующий день при свете я вытащил червей из банки, они выглядели неописуемо мерзко. Я еще напишу вам. Степа.

Степа долго смотрел на конвертик отправки сообщения, а когда тот сменился надписью «Отправлено», слез со стула и, надев в сенях сланцы, вышел на улицу.

Мимо вялым шагом тащился Кузя, он вел по забору концом толстой палки.

— Привет, — сказал ему Степа.

Кузя не ответил, молча повел вокруг Степы окружность, взрезая палкой песок. Степа тоже схватился за эту палку.

— Чего молчишь? Ты посчитал квадраты и круги в учебнике?

Кузя разжал ладонь, палка осталась в руке у Степы, ее конец — в песке. Кузя пнул палку в сторону.

— Я куриц понимаю лучше, чем людей! — пожаловался он. — Знаешь, что такое сушька, исерищка, пиддалас?

— Не знаю.

Кузя и Степа пошли вниз по улице, подпывая вперед крупный комок песка, вскоре он развалился и пинать стало нечего.

— А курицы твои? — спросил Степа.

— А курицы глупые. Им кроме яиц и овса ничего не интересно.

Потом Кузя сказал, что пойдет в старый сад, ляжет на палые яблоки и будет лежать, глядя на облака, забывая ненужные чужие слова. Степа пошел вместе с ним.

Кузя не рассказал Степе о том, что Воронцов все чаще просит его заманивать в их семейный сарай чужих птиц и коз.

Здравствуйте, дядя Миша. В деревне все разговаривают с животными. Дядя Гена даже матерится на кошку. Но животные разговаривают только с Кузей. Правда, ничего интересного они сказать не могут. В жизни животных каждый день происходит одно и то же, а про завтрашний день они думать не умеют. Школа мне все еще нравится. Я еще напишу. Степа.

С Женькой они часто проводили время за пусканием «блинчиков» по спокойной глади

пруда. Женька учил Степу искать плоские и круглые камни, класть указательный палец камню на ребро, вставить боком, ноги держать на ширине плеч, заводите запястье назад, а затем выкидывать резко вперед.

— Один, два, три... — считал Женька круги на воде.

Потом он стал реже улыбаться. Говорил, что родители все чаще ругаются из-за отсутствия денег, и Женьке кажется — они жалеют, что взяли его, ведь он лишний рот, всё переглядываются и на него, на него смотрят так холодно и страшно.

Он не рассказал Степе, что Федотов просил его спрятать на дне пруда под камнем какой-то сверток.

Лера никому не рассказывала, что Теплова запрещает ей зажигать дома свет, ругается: «Зачем попусту?» Теплова проверяет ночами термометры, а Лера сидит рядом на стопке подушек, светится и клует носом. И если она засыпает, Теплова кладет ее прямо вдоль стола и легонько щелкает по лбу, стоит голове потухнуть.

Лева никому не рассказывал, что Поляков в первые же дни совместной жизни научил его точно имитировать свой прокуренный низкий голос. С тех пор, уходя пропустить «по одной» с соседом, поручал Леве откликаться вместо него на окрики жены.

Здравствуйте, дядя Миша. Родители возили меня в аквапарк. Еще мне покупали мороженое,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru